

припадке хрущёвского христорочества тогда вновь рушились храмы, разорялись монастыри, иноки разбредались по Руси в поисках хлеба насущного – и питал их хлебом земным народ. Молитвы не знавший, как и мой отец, духовного хлеба не жаждавший, хотя и был крещён. Этот паренёк в рясе собирал подаяние для тех, кто не покинул монастырские кельи и продолжал за них творить общую молитву.

Я часто вспоминал его. Кто он был? Сирота ли военных лет, которого пригнали в монастыре, сын ли священника, не отрешившись от Христа, новообращённый? И кем он стал потом? Служит ли в монастыре, ведает ли приходом, или переменял стезю и ступил в мир? И осталась ли во взгляде его голубых наивных глаз та удивлённая оторопь?

Два сердца

На стволе черноклёна два школьника давным-давно оставили сердца. Один процарапал кору сверху ножиком, вырезая контур сердца ленточкой. Прошло столько лет, всё заросло, и, если не приглядеться – так и не заметишь. Другой же рядом вырезал кору в форме сердца до самого кленового тела. Дерево мучительно перебалывало этим местом: ствол в прогале сердца почернел, кора местами вылушилась, местами сплавилась, шрам в виде потёка – то ли от непогодных дождей, то ли от слёз во дни весеннего сокодвижения.

Не то ли у людей? Лёгкое сердце живёт – его и не слышно. А другое болит, кровоточит и обугливается...

Про розовых поросят

Отец мой был механизатором широкого профиля. Начинать на прицепном комбайне РСМ «Сталинец», осваивал и первые самоходные комбайны СК-3 и СК-4. Потом зимой возил в колхоз жом с сахарного завода на самоходном шасси «Таганрожец», летом на шасси навешивался зерноуборочный комбайн, и отец выезжал на нём в поля на жатву. Осенью подпрягался и к уборке сахарной свёклы. Казалось, кому, как не ему, обучить сыновей обращению с металлом, привить первые навыки слесарных работ. Но отец считал, вероятно, что они научатся сами собой.

В Глинической же начальной школе на уроках труда мы вышивали. Мужчина в школе был один – директор, а моя молодая учительница Т. Г., только что окончившая педагогическое училище, не умела ничего, кроме вышивки. И теперь я смогу что-нибудь вышить хоть крестиком, хоть гладью. Но тогда мне перестало нравиться это девчоночье занятие. Таскать с собой в портфеле пяльцы, иголки, куски белого сатина, мотки мулине было стыдно. Вышивать пошлые цветочки и розовых поросят – ещё горше. Однажды я взбунтовался и наотрез отказался этим заниматься.

Шум поднялся небывалый. Даже директор приходил посмотреть на малолетнего яковинца. У Т. Г. я и ранее на-

ходил под подозрением, а тут такое... В сердцах в присутствии всего класса она объявила о моём исключении из школы. «Забирай портфель, – горячо сказала она, – и чтоб духу твоего тут не было!»

Я брёл домой по пыльной деревенской дороге с сокрушённым сердцем, горечь и обида обуревали меня. Представил своё будущее – и оно устало. Вот мои одноклассники заканчивают четырёхлетнюю начальную школу, переходят в среднюю, вот получают аттестат зрелости и с широко открытыми горящими глазами вступают в новый, взрослый мир. Они напитаны нужными знаниями, снабжены правильным мировоззрением, каждый жаждет приносить обществу пользу. А я, несчастный, так и останусь недоучкой, маленьким вырождением на пыльной деревенской дороге, сопливым неудачником, у которого нет будущего... И не заметил, как захлюпал носом от жалости к себе.

Разрешилось дело в тот же день. Мать сходила к учительнице, а, вернувшись с беседы, отхлестала меня мокрой тряпкой, которой мыла посуду, и приказала с утра собираться в школу. Вместо вышивания на уроках труда мне в виде исключения дали задание резать счётные палочки для первоклашек. Из ракиевых прутьев нужно было нарезать по размеру счётные палочки и связать их пучками по десять штук. Я наготовил этих утомительных палочек на годы вперёд, но никогда уже не испытывал побуждений вернуться к вышиванию позорных поросят.

В пятом классе средней школы на уроках труда учитель показал, как обрабатывать напильником зажатую в тиски «сырую» металлическую болванку. Она была так неподатлива, так заманчиво блестела на спиле, и её можно было с увлечением ушоркивать до нужного размера целый урок.

Но долго помнилась обида начальных времён – и до сего дня вспоминается то острое чувство горечи. Горечи оттого, что тебя могут попросту выгнать...

Крылья бабочки

Между рамами деревенского окна увидел погибшую бабочку. Как она сюда попала? Залетела в форточку, а хозяйка, не заметив её, заклеила окно на зиму?..

Тельце бабочки истлело до пороховой лёгкости, от неё остались, как мне показалось, лишь обесцвеченные крылышки. Но приглядевшись, вдруг заметил на них чёткий графический рисунок выгоревшего узора, как черновой набросок цветовой радуги, которой радостно гордится бабочка. Крылья были похожи на тонко исполненную сканную заготовку, симметричный узор её был столь изысканно-прихотлив, что я, забыв о стекле, затаил дыхание, чтобы не разрушить это чудо своим дыханием... Как же ярко должен был быть исполненный по этой вдохновенной графике радужный узор!

И захотелось, чтобы бабочка ожива в «обратном порядке»: радуга крыльев, тельце... И чтобы выпорхнула обратно в гремучий, прошитый ливнем июньский сад...

